

21 августа в Москве простились с Владимиром Нехотиным. Он скоропостижно скончался на 62-м году жизни – аневризма аорты.

Те, кому посчастливилось с ним работать, – а Владимир любил и уважал научное сотворчество, – никогда не позабудут его многообразных и щедрых дарований. Нехотин был историком литературы, архивистом, публикатором, редактором, критиком. В филологической своей работе он напоминал римского полководца Фабия Кунктатора – своей неторопливостью, невозмутимостью, методичностью и дотошностью.

Ум и сердце исследователя были отданы русской (советской) литературе первой трети XX века. Но Владимир не искал торных путей, не стремился к научной популярности, обращаясь к творчеству известных и знаменитых поэтов.

Нехотина можно назвать одушевителем забытых литературных имен. Достаточно перечислить Георгия Маслова, Нину Хабиас, Ивана Аксенова, Ноки, Нину Подгоричани, Тэа Эс, Клавдию Якобсон... Владимир отыскивал (и находил) своих героинь и героев на периферии русской культурной карты – в Омске, Иркутске и убедительно доказывал, что не одними метрополиями жива литература.

Поэтов, заново открытых Нехотиным, мало печатали и замечали при жизни, нередко подвергали остракизму и репрессиям. Стихи их не всегда были благозвучны, и они это сознавали:

*Они без форм. В них есть уродство
Невыношенного созданья,
Но их осветит благородство
Страданья.*

Благородство было и определяющей чертой историко-филологических разысканий Владимира Нехотина. В одиночку и с соавторами он возвращал нам не только забытые, но и зачеркнутые имена – изучал следственные дела и прочие материалы о жертвах советского террора. В свое время, вместе с В. Гончаровым они выпустили впечатляющий сборник писем (индивидуальных и коллективных) в защиту безвинно арестованных деятелей культуры и науки СССР. Это было весомое доказательство в пользу нравственности отечественной культуры. Вот выдержки из письма В. Вернадского к Л. Берия в защиту вскоре убитого Дмитрия Шаховского:

Я дружен с Дмитрием Ивановичем почти 60 лет – все время мы прожили друг с другом душа в душу, находясь в непрерывном, ни разу не нарушенном, идейном общении. Между нами не было тайн и я, как и

все ему близкие, страдающие от несчастья, его постигшего, не сомневаемся в том, что несчастье это плод рокового для него недоразумения. Я знаю, что он верно и глубоко служил до момента своего ареста т. Ежовым своей стране и своему народу.

Потому и не будет преувеличением назвать Владимира Нехотина гуманистом нашей филологии.

В последние дни перед его таким неожиданным и скорым уходом мы обсуждали переводы Эхила, исполненные Вяч. Ивановым. Греческий трагик был крепким мужиком, воином за независимость своей родины. Владимир тоже был могучим человеком, говорил низким раскатистым голосом. Он казался великаном – циклопом, невесть за что прикованным к письменному столу. По легенде, Эхил умер из-за того, что его фигуру орел принял сверху за скалу и сбросил на него пойманную черепаху, чтобы расколоть панцирь и полакомиться ее мясом. Как будто что-то подобное произошло и с Владимиром, только ошиблась не птица, а смерть: *Пал на живых мрак, и солнце погасло!*

К.Л.